

ВОЗМОЖНО ЛИ УЛУЧШИТЬ ОТНОШЕНИЯ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ?

Весьма возможно, что в некотором смысле мое выступление не будет созвучно с другими докладами о перспективах американско-советских отношений. Но по этому вопросу вы сделаете заключение сами.

Меня попросили рассказать вам о событии, которое произошло в начале 70-х годов на одном из продолжительных заседаний в рамках американско-советских переговоров об ограничении стратегических вооружений.

Обычно, когда мы, в американской манере, предворяем шуткой свое выступление, предполагается, что анекдот послужит философским обертоном. Я не уверен, однако, что эпизод, о котором я расскажу вам сейчас, оправдывает это предположение. Речь идет об истории, которая десять лет назад широко освещалась американской печатью.

На одном из затянувшихся заседаний сидевший напротив меня Брежнев отвлекся, поскольку свое мнение он уже высказал по-русски, а что говорит переводчик по-английски — не понимал. Я тоже не обращал внимание на английский, поскольку знаю русский. В этот самый момент внимание Брежнева привлекли мои часы, которые я снял с запястья и вертел в руках.

Брежнев наклонился ко мне.

— Покажите, — сказал он.

Я подал ему часы. Брежнев примерил их, посмотрел на меня

и сказал:

— Хороши! Я хочу их себе.

— Господин генеральный секретарь, — ответил я, — это честь для моих часов оказаться на столь высокопоставленной руке, но они были подарены мне тещей, и если я вернусь без них, она просто-напросто вычеркнет меня из своего завещания.

— Нет, — сказал Брежнев, — не отдам! Я их оставляю у себя до тех пор, пока мы не достигнем какого-либо соглашения. И только потом, возможно, я их верну. А пока носите мои.

Это были карманные часы на цепочке, которые я не раз видел за три года переговоров и совещаний. Часы эти, по словам Брежнева, он получил от матери и прошел с ними всю войну. Поколебленный, я все же продолжал сопротивляться.

Мы препирались еще минут пять, пока Киссинджер, явно недовольный, что в центральной роли на переговорах оказался не он, а его подчиненный, не толкнул меня коленом и не зашептал:

— Зонненфельд! Достаточно покрасовались, остановитесь!

Брежнев между тем вышел и вскоре вернулся из соседней комнаты с бархатных футляром, в котором лежали швейцарские часы.

— Вот вам еще одна пара, чтобы вы так не переживали, — сказал он.

Мы снова вернулись к переговорам. К сожалению, окончились они без особых результатов. По дороге домой, в специальном самолете один из сопровождавших американскую делегацию журналистов отметил, что закончившаяся только что встреча была не особенно удачной. Это было во время ангольского кризиса, и Соединенные Штаты были обеспокоены ролью СССР в нем. Этот же журналист попросил меня припомнить хоть что-нибудь примечательное из происходившего на переговорах.

— Против моей воли Брежнев обменялся со мной часами, — сказал я. — Он взял мои золотые, подарок от тещи, а взамен дал свои стальные и еще одну пару. Эти две пары я и везу домой, поскольку не мог получить обратно свои.

На следующий день газета „Нью-Йорк Таймс“ вышла с сенсационным заголовком: „Американский представитель лишается золотых часов в пользу Брежнева“.

Вскоре после этого, в 1976 г., во время первичных выборов республиканской партии в штате Нью Хэмпшир (тогда претендентами на пост президента от республиканской партии были Форд и Рейган) представитель одного из весьма консервативных нью-хэмпширских профсоюзов опубликовал большую статью о моем приключении, предпослав ей заголовок: „Вот как обжуливают ваших представителей, господин президент“.

Сейчас забавно вспоминать об этом инциденте, но тогда в Нью-Хэмпшире, эта история гремела три дня, и, наконец, раздался звонок из Белого Дома. Меня спросили, так ли это все было и правда ли, что Брежнев выменял у меня золотые часы на свои жестяные — к этому времени стальные часы Брежнева стали уже жестяными.

В порядке самозащиты я созвал пресс-конференцию и сообщил журналистам, что часы, которые остались у Брежнева, не были подарком тещи, я купил их сам, что это были швейцарские часы, фирмы Омега, но вовсе не золотые. К тому же мой ювелир установил, что цепочка от брежневских часов оказалась не медной, как я полагал, а из чистого золота. Сами же часы, хотя и стальные, были на 17 камнях, германского производства и намного лучше моих. В общей сложности я выиграл на этом обмене с Брежневым около 850 долларов против моих, скажем, 100.

• Как только все это появилось в печати, передо мной предстал шеф протокольного отдела Госдепартамента с копией инструкции о принятии государственными служащими США подарков от иностранных представителей. Инструкция гласила, что американским представителям разрешается принимать от иностранных правительств подарки при условии, что их ценность не превышает 49 долларов 95 центов, или же, если они могут быть съедены в один присест. „А посему, давайте-ка сдавайте полученные ценности!“

Брежнев, однако, снабдил меня во время обмена письмом, которое находится в моих руках до сих пор. „Господин Зонненфельд, — говорится в этом письме, — возможно, в один прекрасный день мы придем к взаимоприемлемому соглашению и тогда вернем друг другу часы“. Я сказал начальнику протокольного отдела, что наш обмен условен и что я должен быть

готов в любой момент вернуть часы генеральному секретарю. Я попросил оставить мне его часы по крайней мере до тех пор, пока один из нас — я или Брежнев — не переселится в мир иной. Не знаю, захватил ли туда Брежнев мои часы, я же храню его. К сожалению, цепочка, которую моя жена стала носить на шею, была украдена у нее в гостинице на одном из курортов у Карибского моря, возможно — вездесущей агентурой Брежнева.

Что же касается морали, которую можно извлечь из этой истории, то, по-моему, ее следует сформулировать так: вещи не всегда таковы, какими они нам представляются. Возможно, Брежнев видел какой-то выигрыш в обмене. По моим же понятиям, в выигрыше был я. Быть может, именно на такой основе и следует строить наши отношения с Советским Союзом?

Можно ли улучшить отношения с СССР, а если да, то как?

Мне думается, что отношения эти еще долго будут трудными. Я не верю в возможность кардинальных изменений вследствие экстраординарного акта доброй воли или же благодаря определенным мерам давления, которые время от времени предлагаются некоторыми людьми. Боюсь, что вероятность неких лучезарных метаморфоз полностью исключена при существующей раскладке карт в наших отношениях — в обозримом будущем, по крайней мере.

В конце второй мировой войны был период, когда в Америке преобладала добрая воля по отношению к Советскому Союзу. Несмотря на сомнительную роль СССР в развязывании войны, несмотря на сговор Сталина с Гитлером на предмет ликвидации и раздела Польского государства, и солидную, массивную материальную поддержку нацистской Германии и ее военной машине в начале войны, к концу войны в Америке, Европе и во всем мире с симпатией принималось стремление Советского Союза гарантировать свою безопасность. Сострадавшие к жертвам, принесенным Советским Союзом в ходе войны, сохранившее свою силу по сей день, тогда ощущалось особенно остро.

Однако „холодная война” началась уже тогда, еще при жизни Франклина Рузвельта, и началась она из-за будущего статуса, политического строя и социальной организации Польши и других стран Восточной Европы, куда должна была войти Красная

Армия в ходе преследования отступающих и побежденных нацистов, но общественность Соединенных Штатов оставалась почти в полном неведении относительно трений между державами по поводу послевоенного порядка. А трения эти имели место уже в 1944 году.

Соединенные Штаты были готовы вывести свои войска из Европы и практически приступили к постепенному их отводу сразу же по окончании военных действий. США были готовы, хотя и не без сомнений, положиться на Организацию Объединенных Наций в решимости не допустить повторения ошибки с Лигой Наций. Наконец, Соединенные Штаты были готовы сотрудничать с Советским Союзом в организации послевоенного мира.

Советский Союз ответил на это включением стран Восточной Европы — одной за другой — в свою империю и навязыванием им сталинских режимов, продолжением оккупации Ирана и территориальными претензиями к Турции и Японии, в войне с которой Советский Союз принял краткое участие, да и то под занавес.

В результате настроение в Америке к концу 40-х годов радикально изменилось и произошел фундаментальный пересмотр американских интересов и обязательств. Основным предметом заботы и важнейшим обязательством Америки стало обеспечение свободы и безопасности Западной Европы и ряда других районов мира, над которыми нависла советская угроза.

В свою очередь, Советский Союз истолковал изменение американской политики, вызванное разочарованием и тревогой в связи с послевоенной ситуацией в мире, как угрозу в свой адрес.

Между тем, для Соединенных Штатов советская угроза не ограничивалась геополитическими претензиями СССР, но включала возможность распространения тоталитарной системы угнетения, господствующей в Советском Союзе и усилившейся после некоторого, как казалось, смягчения режима на время войны.

Тревога, разочарование и подозрительность стали ощутимо доминировать в политическом мышлении американцев, хотя

такой подход был далеко не единственным. Бурные дебаты по этому вопросу во время президентской кампании 1948 г. были основной темой предвыборной борьбы Гарри Трумэна и Генри Уоллеса; их отзвук ощущался и позже. В последние 40 лет даже во времена относительного благополучия в американо-советских отношениях американская общественность испытывала глубокие сомнения относительно намерений и действий советского руководства.

Если проанализировать состояние общественного мнения в Соединенных Штатах в данный момент, результаты покажут, что подавляющее большинство американцев одобряет идею контроля над вооружениями и приветствует сотрудничество с Советским Союзом в интересах создания лучшего мира, но при этом весьма существенное большинство ставит под сомнение искренность и надежность советских договорных обязательств. Корни этого двойственного отношения — в разочаровании и утрате иллюзий по окончании войны.

Разрядка 70-х годов, которую сейчас многие вспоминают с некоторой ностальгией, была принята общественностью отнюдь не безоговорочно. Как и в 40-х годах, русские сделали достаточно для компрометации идеи разрядки.

Во-первых, в результате продолжения развернутой Советским Союзом в 60-е годы программы перевооружения договор об ограничении стратегических вооружений — ОСВ — никак не замедлил гонку вооружений в СССР. Во-вторых, несмотря на дипломатическое сближение с Западом, Советский Союз продолжал рассматривать третий мир как объект геополитической экспансии, не прилагая почти никаких усилий для социального и экономического развития этой группы неблагополучных и очень бедных государств.

В-третьих, Советский Союз сохранил, хоть и с некоторыми модификациями, репрессивную суть своего режима. Он вновь и вновь демонстрировал фундаментальную несправедливость и противоестественность своего имперского господства над странами Восточной Европы.

Всякий раз когда открывалась возможность улучшить отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом (в середине 50-х годов при Эйзенхауэре, в середине 60-х — при

Кеннеди и Джонсоне, в начале 70-х — при Никсоне и Форде) путь к этому преграждала противоестественность советской империи. Народы Восточной Европы — восточные немцы, венгры, поляки, чехи и словаки — не раз пытались вырваться из советской смиренной рубахи, и всегда Советский Союз отвечал на это репрессиями, вызывая справедливое возмущение в Америке. В ходе польских событий последних лет, хоть и обошлось без прямого советского вмешательства, было введено военное положение и грубо подавляются свободы и права человека.

Любая схема улучшения американо-советских отношений будет включать проблему прав человека и прав наций, поскольку уважение этих прав составляет основу нашего сознания.

Из всего этого следует, что ключевым моментом в американо-советских отношениях является освобождение от иллюзий и беспочвенных ожиданий. Трезвость и реализм предпочтительны сами по себе, в политике же существенно прежде всего то, что ложное, иллюзорное сознание неизбежно приводит к резким перепадам в наших настроениях, к циклу, в котором период розовых надежд сменяется полосой враждебности и, подчас, отчаяния.

Не следует также забывать, что если мы озабочены состоянием наших отношений с СССР и их возможными чудовищными последствиями, отношения других стран с Советским Союзом едва ли лучше.

Достаточно взглянуть на Китай — коммунистическую страну. Случалось, что дело доходило до вооруженных инцидентов на советско-китайской границе, где обе державы держат значительные силы. Отношения СССР с коммунистическими странами Восточной Европы изобилуют кризисами и перемежаются периодическими гастролями советских танков. Контакты между Советским Союзом и Западной Европой строятся на иной исторической основе, чем наши. Но и здесь отношения по существу плохи и омрачены взаимными подозрениями. Не лучше обстоят дела у СССР и с остальными соседями.

Следует помнить, что Советский Союз, в отличие от США, вообще не имеет открытых демилитаризованных границ, нормальных в привычном для нас смысле. Даже на границе с ком-

мунистическими союзниками размещены войска и осуществляется строжайший контроль над передвижением в обоих направлениях.

Нельзя ограничиваться микрокосмосом наших проблем с Советским Союзом, и поддаваться их гипнозу, не замечая, игнорируя общую проблему — трудность отношений с Советским Союзом вообще.

Что же нам остается предпринять? У меня нет готовых рецептов, но я, основываясь на некотором своем опыте, не вижу причин для фатализма и паники. Несмотря ни на что, за последние пять лет при весьма напряженных отношениях с СССР у нас было меньше острых кризисных ситуаций нежели в любой другой предшествующий пятилетний период.

У нас не было в последние пять лет конфликтов наподобие имевших место ранее в связи с Конго, Анголой и Эфиопией; не повторилось ничего подобного вторжению в Афганистан. Я отнюдь не утверждаю, что мир стабилизировался и нет более опасности войны или оснований для беспокойства за судьбу таких стран как Афганистан, Пакистан или многих других на выбор. Но я подчеркиваю, что несмотря на серьезный удар по американо-советским отношениям, несмотря на застой в переговорах по контролю над вооружениями и несмотря на продолжающуюся истощающую гонку военных расходов, истекший период был, в определенных отношениях, менее опасным, менее угрожающим, чем прежние. Из этого наблюдения я извлекаю некоторую надежду. Если наша политическая линия будет стабильной, если мы освободимся от ни на чем не основанных надежд, определим свои интересы и будем защищать их с необходимой последовательностью и сдержанностью, и если советское руководство будет поступать таким же образом, то, возможно, нам удастся прекратить зловещую череду кризисов и открытых конфликтов, столь характерных для прошлого.

Для этого требуется тщательно следить за развитием потенциально опасных ситуаций, продолжать необходимые усилия в военной сфере, так как Советы строят свои действия на расчете допустимого риска. Существует мнение, что советское руководство действует по принципу „избегать риска”, но это скорее принцип „рассчитанного риска”. Советское руководство

именно взвешивает риск, и делает это весьма тщательно.

Мы также должны четко и недвусмысленно провозгласить, что улучшение американо-советских отношений есть производное от положения в геополитической сфере. Никто не должен рассчитывать на расширение экономического сотрудничества, не считаясь с законными интересами партнеров и не принимая во внимание потрясений в военно-политической области.

Я не думаю, что мы когда-либо сможем смягчить нашу критику и даже отвращение к репрессивным действиям советского режима. Им это не нравится, но тут ничего не поделаешь. Мы обязаны открыто выражать свое отношение к этой проблеме как в своей среде, так и на встречах с советскими представителями, и постоянно демонстрировать, что мы не намерены закрывать глаза на советскую систему угнетения. Тем не менее, мы всегда должны быть готовы к диалогу и должны стремиться к взаимовыгодным соглашениям во всех случаях, когда это возможно. Периодические встречи на верхах чрезвычайно полезны. В нашем опасном мире весьма желательно, чтобы лидеры двух самых могущественных держав хотя бы знали друг друга лично. Именно поэтому я поддерживаю идею подобных встреч при условии, что они соответствующим образом подготовлены. Само собой разумеется, мы и впредь должны стремиться к соглашению по контролю над стратегическими вооружениями с тем, чтобы затем добиться взаимного сокращения военных программ. Наряду с этим мы должны в интересах общей безопасности с полной ответственностью относиться к военной мощи и продолжать сотрудничество с нашими союзниками. Мы должны также продолжать (и я рад, что мы это делаем) переговоры с Советским Союзом относительно потенциально опасных районов третьего мира, таких, например, как Афганистан. Мы должны сотрудничать с Советским Союзом ввиду взаимного горячего интереса в области нераспространения ядерного оружия, в области сохранения окружающей среды, в области здравоохранения. В некоторых из этих сфер сотрудничество никогда не прекращалось, и я надеюсь, что им и впредь будет уделено необходимое внимание.

Но самое основное — понять, что в отношениях с СССР мы должны избавиться от опасного груза иллюзий; только тогда мы сможем без войны защитить наши интересы и ценности.